

Альфред Боймлер

СУЩНОСТЬ ВЛАСТИ

Новый порядок в Европе как историко-философская проблема

ДУНКЕР УНД ХУМБЛОТ. БЕРЛИН, 1943 г.

I. СУЩНОСТЬ ВЛАСТИ

Вроде бы очень умные и деловые люди, которые навязали в 1919 году в Версале «мир» измученным и ошеломленным народам, обладали информацией со всего мира. На их письменных столах лежали документы с самыми «точными» цифрами, все, к чему они могли бы проявить интерес. Кто думал более реалистично, чем эти финансисты, эксперты по экономике и дипломаты? Сколько сложных расчетов, сколько хитроумных финтов, какое обилие «решающих» обсуждений и конференций! Кто мог предполагать, что на самом деле происходило в эти недели 1919 года? Кто мог вообразить, что эта напыщенная игра с ценностями, эта рационализированная до предела биржевая сделка была на самом деле танцем мертвецов? Трезвые, расчетливые люди, которые верили, будто мир у них в руках, с иронией отнеслись бы к тому, кто назвал бы их призраками. Но что такое призрак, как не существо, которое движется не по своим внутренним законам, а приводится в движение таинственной ирреальной силой? Разве не кажутся они одержимыми некоей демонической силой, которая заставляет их делать противоположное тому, чего они, «собственно», хотят, эти версальские миротворцы? Был ли среди них хоть один представитель настоящей власти, который мог бы выглядеть исполнителем своей воли и судьбы? Вся власть на Земле была в их руках, и все же они не могли ничего. Они непрерывно распоряжались и приказывали, но вместо порядка получался хаос. Это были лжепоклонники власти, которые в конце концов вынуждены были признать, что их идол их одурачил. Они казались такими сильными, но уже через мгновение потеряли почву под ногами, они парили в пустоте, превратились в призраки.

Никогда кажущаяся сила не превращалась столь бурными темпами в полное бессилие, никогда не было более жалких властелинов Земли, чем версальские победители; никогда насилие не доводило себя само столь радикальным образом до абсурда. Наряду с бесчисленными практическими последствиями этой пресловутой мирной конференции не следует забывать о символическом значении этого события.

Если мы сегодня не хотим больше ничего знать о той «духовности», которая некогда восторжествовала на Западе, то одна из важнейших причин этого – полный крах западной идеологии перед лицом такого явления и понятия как **власть**. Мы можем без преувеличения сказать: если бы ложь не стала в некотором смысле основным элементом западного духа, дело никогда не могло бы дойти до столь чудовищной, потому что она была организована и продумана до мелочей, лжи, как Версальский «мирный договор». Такое было невозможно без предварительной подготовки. Только люди, которых с детства учили маскировать реальность и говорить на языке ирреального, могли придать самому грубому орудию насилия, которое когда-либо существовало, Версальскому мирному договору, такую словесную форму, которая, в принципе, игнорировала фактическое положение дел и идею власти. Каждая конфискация, каждое отрезание областей, каждое создание новых властных структур обосновывались фразами о человечности и справедливости, в которые никто не верил. Те же люди, которые умели использовать насилие в любой форме с подлинной виртуозностью, всегда высказывались публично и «ответственно» в том смысле, будто власть сама по себе есть зло. Нет ничего более разлагающего, чем постоянное расхождение между словом и делом. Версаль не был случайностью; только **система** могла совершить это преступление. Система. Основанная на лжи, оказалась в конце Первой мировой войны на вершине своей власти...

Положение, будто власть сама по себе есть зло, – формулировка, принадлежащая одному искреннему немецкому моралисту и заимствованная Якобом Буркхардтом, – было изобретено для защиты гуманности. Однако воздействие этой идеи было таково, что она оказалась одним из самых негуманных заблуждений зашедшей в тупик западной цивилизации. С ее помощью скрываются различия сущности, которые необходимы для поддержания порядка в обществе. Если **всякая** власть есть зло, то нет различий между настоящей и мнимой властью, а на этих различиях зиждется любой истинный политический порядок. Истинным порядок можно назвать лишь в том случае, если он придает форму и стабильность состоянию, основанному на реальных взаимосвязях, а эти взаимосвязи нелегко выявить. Они кроются в глубине жизни и не совпадают с существующими границами и балансами. Легче представить их себе как сумму существующих реалий. На конференциях обычно дается слово этим реалиям, а более глубокие взаимосвязи обречены на молчание. Действительность выступает на первый план во время войн, которые уничтожают видимость и открывают правду. Войны определяют истинные соотношения между народами.

Власть – это не добро и не зло, потому что нет власти вообще. Власть – порождение жизни. Ее можно назвать злом, если она основывается на ложных, противоречащих жизни предпосылках. Но правильней называть ее не злой, а лживой и ложной. Утверждать, будто **любая** власть – зло, значит, клеветать

на жизнь. Хороша та власть, которая соответствует действительному состоянию жизни. Политика – это искусство согласовывать существующие властные структуры с тем, что живет в глубине... Жизнь меняется и власть меняется вместе с ней. Стабильными в процессе этих перемен остаются естественно-исторические сообщества, народы, а власть, о которой мы здесь говорим, это не субъективное стремление к власти, а тот объективный основной элемент в бытии народов, без которого стабильность и мир всегда останутся пустой мечтой.

2.

Идея мира принадлежит к числу основных понятий западной цивилизации. Было бы не понятно, как тысячелетнее господство столь полезной для человека идеи, содержащей в себе к тому же нечто пленительное, могло привести к эпохе мировых войн, если бы структура этого понятия в западной форме не заключала в себе один дефект. Если мы, кого это заблуждение привело на грань гибели, подвергнем проверке западную идею мира с помощью нашего непредвзятого разума, которого опасности сделали более смелым, то мы получим следующее:

Нет сомнения в том, что западная идея мира имеет в виду **абсолютный** мир. Идеал – это состояние без споров, мир во всем мире без войн, равенство всех людей без конфликтов. Мир в этом смысле – ценность, дискуссии о которой не допускаются. Каждый, кто имеет иное мнение о мире, заведомо является нарушителем мира. Но что станет с цивилизацией, если ее центральное понятие, которому придается такое значение, – ложно? Ответ на это дала нам эпоха мировых войн. Была ли вторая такая война необходима, чтобы сделать невозможным любое толкование первой как простого исключения? Нет, Первая мировая война не была несчастной случайностью, в ней раскрылось глубинное противоречие, которое мы так долго принимали на веру как дух Запада.

В этом ужасном кризисе потерпели крах не только отдельные люди – система мышления дошла до своих крайних пределов. Идея абсолютного (вечного) мира оказалась не только неспособной обустроить этот мир, но и развращающей для тех, кто в нее верил или прикидывался, будто верит. Действительно – нельзя управлять с помощью неправильных идей.

Идеи, которые призваны стать политическими, должны находиться в объективном отношении к действительности. Даже самая прекрасная мечта будет действовать разрушительно, если она не соответствует условиям ее воплощения в жизнь. Идея мира имеет политическую ценность лишь в том случае, если она соотносится с сущностью и своеобразием субъектов, между которыми должен быть установлен этот мир, то есть людей. Роковым для Запада было то, что он тысячу лет гнался за нечеловеческой идеей мира.

Нечеловеческим является не только то, что ниже сферы человеческих ценностей и порядков, но и то, чего человек не может осуществить, сверхчеловеческое. Конечно, никогда нельзя удовлетворяться лишь тем позитивным, что дает случайное стечение обстоятельств. Позитивизм, довольствование тем, что есть, соответствует наклонности к инертности, которой человек всегда поддается. Есть идеи, которые вырывают человека из привычного круга и направляют его волю к далеким целям. Мы никогда не должны забывать об этом высоком практическом смысле идеи. Было бы роковой ошибкой считать, что достаточно иметь возвышенные идеи, а все остальное можно предоставить на волю божью. Тот, кто претворяет идею в жизнь, берет на себя ответственность за то, что произойдет при господстве этой идеи. Нельзя думать, будто, взывая к красоте идеи, можно снять с себя эту ответственность и возложить вину за то, что ее господство принесет людям одни несчастья, на ошибки отдельных лиц. Идеи всегда надо проверять на их соответствие человеку и данным ему силам. Даже еще почитаемая сегодня многими традиция не должна стать для нас препятствием для такой критики.

Мечта об абсолютном мире – «нечеловеческая» мечта, потому что она возносится не только над фактическими состояниями, но и над человеческой реальностью вообще. Сверхчеловеческое, которое не находится ни в каком ответственном отношении с человеком, действует самым роковым образом, как и недочеловеческое, если ставится вместо человеческого.

У мира две стороны: с одной стороны – это гармония, с другой – власть. Гармония, которая не является одновременно властью, – не политическое состояние. При восхвалении идеи мира всегда упускалась из вида властная сторона любого мирного состояния. Красоту и преимущества мирного порядка превозносили, не затрагивая вопрос о средствах, с помощью которых оно может быть достигнуто. **А средством может быть только абсолютная власть.** Всеобщего мира можно было бы достичь только, исключив все особенности. Но любая власть связана с типом людей, которые ее осуществляют. Понятие абсолютной власти предполагает исчезновение всех природных и исторических различий между людьми, то есть исключение национальных индивидуальностей. Мы против мечты о вечном мире не потому что мы против мира, а потому что это одновременно мечта об абсолютной власти. Абсолютный мир представляется величественной, сверхчеловеческой идеей, абсолютная власть – нечеловеческой. Власть, которая потеряла всякую индивидуальность, – больше не человеческая, историческая власть. Власть – категория общества, в котором только и может жить и развиваться человек.

Идея вечного мира абстрактна и универсальна, власть всегда конкретна. Власть не может существовать без субъекта, носителя власти. Но эти субъекты не могут быть субъектами вообще, как и человек не может быть субъектом вообще. Поэтому идея всеобщего мира с человеческой и исторической точки зрения – бессмыслица, потому что она предполагает существование субъекта

вообще, которого не может быть. Практически она дает идеологическое оправдание попытке путем установления абсолютной власти лишить народы права на самостоятельное политическое существование. Такую попытку предприняла Англия, когда она стала в XIX веке всемирным полицейским. С крахом этого гигантского предприятия закончится история «Запада».

Попытка осуществить идею «вечного» мира с помощью абсолютной власти порождает политическое лицемерие. Любая настоящая власть обладает определенной глубиной бытия, которая теряется, если носитель власти нечеловеческим и фантастическим образом универсализируется. Любое бытие хочется себя утвердить. Это закон жизни, что стремящаяся к самоутверждению глубина бытия не может отказаться от себя самой в пользу универсальности. Отрицание воли к самоутверждению может привести в религиозной области к интересным и исторически эффективным результатам, в политической же области это будет тем, что теологи называют «грехопадением».

Сущность власти издавна видели в самоутверждении. В последние столетия, под влиянием ложных представлений о человеке, люди перестали видеть, что власть, как институт, неотделима от человека, и злоупотребление властью никогда не должно приводить к отрицанию власти вообще. Любое злоупотребление властью порождает требование заменить плохую власть правильной и заставляет подумать, каковы условия того, чтобы власть была правильной, а мысли эти будут разумными и иметь перспективу на успех только при непредвзятом понимании человеком самого себя. Власть сама по себе не плохая и не хорошая, она человеческая и должна следовать законам жизни.

Никогда не совершалось большего преступления против жизни, чем при заключении так называемого мирного договора в Версале. Тогда право народов на самоопределение было провозглашено как принцип, но одновременно это право грубейшим образом попиралось во имя идеи абсолютного мира, то есть абсолютной власти. Идея вечного мира несовместима с такой реальностью, как народы. В политической практике это противоречие превращается в ложь. Версаль был кульминацией западной истории. Ложь тоже по-своему последовательна. Ее вершиной было создание Лиги наций...

Рискованно делать неверные выводы после временной победы; плохой мир – это политическая глупость. Но это преступление против человечности, если грубое насилие выдается за воплощение вечного мира и многолетняя кровавая борьба увенчивается созданием Лиги наций. Версальская мирная конференция не только не учла вечную волю к жизни многих наций, но и оскорбила честь и разум народов, а разум говорит нам, что в жизни есть справедливость, и только лживой манипуляцией является утверждение, будто целью войны был вечный порядок под диктатом Английского банка и под полицейским надзором Англии. «Вечный мир» Лиги наций показал не только бездарность

политиков, но и сдвиг по фазе в западном мышлении, которое позволило сделать самую недостойную из всех систем насилия, плутократическую, фасадом справедливости. Зал заседаний Лиги наций в Женеве навсегда останется символом злоупотребления властью. Если державы, которые создали Лигу наций, сегодня снова используют лозунг демократии, то это признак умственной инертности...

Против воли ее создателей версальская ложь позволила диалектике истории очистить атмосферу. Народы поднялись и дали свой ответ на махинации политиков. Попраание их жизненных прав довело волю наций к жизни до фанатизма. Сразу же после заключения «мира» и вследствие этого события достигло полного развития движение, глубину которого еще в XIX веке видели все умные люди, – **национализм**. С 1914 года начинается классическая эпоха европейского национализма, XIX век был его архаическим предварительным этапом. Нарушение прав народов в Версале довело до кульминации развитие, начало которого совпадает с началом истории Запада.

3.

Западная история началась не с осознания народами самих себя, а с представления об общей культурной миссии. «Запад» – это не собирательное обозначение возникающих наций, а название выходящей за рамки всех наций религиозной задачи. Из выполнения этой задачи вырастает то культурное единство, в рамках которого из нескольких расовых ядер образуются народы, которые определяют историю Европы. Отсюда странный, двойной характер этой истории, возникновение обособленных национальных общностей в рамках универсальной культурной идеи. Национальные характеры бурно прорываются к свету, но все их проявления ограничиваются духовным универсализмом, который, хотя и не противодействует многим порывам, не может в самых решающих точках помочь здоровому и прямолинейному развитию к четкому национальному самосознанию. Религиозный универсализм, который представляет собой лишь обратную сторону религиозного индивидуализма, вынуждает национальные сообщества полагаться на самих себя в своем реальном развитии и объяснении своего бытия. В результате политическая история и духовное развитие пошли разными путями: зависящая, главным образом, от религии духовная история своим путем, политическая история, суть которой – превращение наций в автономные сообщества – своим. Становление отдельных народов и развитие идеологий, поскольку движущие силы в том и ином случае были разными, вступали в конфликт друг с другом, и это не было случайным. Для идеологии, при господстве которой европейские народы начинали свой путь, **невозможно** быть справедливой к стремлению народов осознать самих себя, как политическое целое. С другой стороны, для отдельных народов выработка единого национального самосознания – вопрос их существования. Этот процесс должен был происходить подспудно, так как религиозная идеология не могла стать политически организующей. Она несла с собой общие

понятия любви и мира, которые оказывали определенное воспитательное воздействие, но конкретное политическое формирование и развитие национальных языков определялись имманентными силами. Напряжение, которое возникло в результате этого, сделало европейские народы великими. Национальная консолидация неумолимо шла своим путем, универсальная идеология упорно утверждала себя с помощью своих организаций. Религия использовалась национальными сообществами как средство их сплочения и вошла в жизнь народов, но противоречия между политикой и духом сохранялись.

Из-за взаимосвязи национальных и религиозных тенденций возникли религиозные войны, характерное явление европейской истории. В период, когда эти войны достигли своей кульминации, в XVI-XVII веках, окончательно обрело свои черты лицо европейских народов. Присущее западной религиозной идее бессилие в области политической организации привело к тому, что духовно несовершеннолетние национальные силы использовали религиозный пыл и таким образом возник неестественный политический пафос. Этим процессом объясняется искусственное перенапряжение национализма в Европе. Было бы исторической ошибкой объяснять это напряжение врожденными задатками наций. Это исторически уникальное явление; оно возникло благодаря определенным предпосылкам и вместе с ними может видоизмениться...

Перенос идеи универсальной религии на отдельные нации привел к непомерному раздуванию национальных страстей, но эта религия никогда не могла породить из самой себя понятие справедливости, имманентное истории конкретных народов, потому что она не допускает предпосылок для того, чтобы представления о человеческих обществах имели центр тяжести и опирались на собственное право. Нет сомнений в том, что универсализм побуждает к политическим мечтаниям, а в век национализма способствует развитию лицемерия. Никто не может сказать, что произошло бы, если бы народы и в духовном отношении были предоставлены самим себе. Развитие во многих отношениях могло бы пойти медленней, но никто не может утверждать, что народы не смогли бы тогда выработать собственные представления о национальном существовании и отношениях между государствами.

Мы наблюдаем процесс, который можно объяснить только отсутствием политического центра тяжести у отдельных наций. Западная цивилизация имела блестящий идеологический фасад, за которым во тьме сражались национальные волевые ориентации, не имевшие духовного руководства. Запад, не управляемый политической идеей, катился к пропасти. Последние события этой цивилизации – самые ужасные войны, какие знала мировая история. Обе мировые войны сознательно велись «демократами» как религиозные войны, с использованием старых воспоминаний. Шла ли речь о «центральных державах», идет ли она теперь о «тоталитарных государствах», – мировая демократия, превратившаяся в абсолютную власть, объявляет войну «другим» во имя вечной справедливости и вечного мира.

Если исследовать жизнь методом дедукции, то при господстве универсализма взаимопонимание между национальными волевыми субъектами осуществляется по типу силлогизма. Общее связующее начало не надо искать, оно уже дано и оделено высшими достоинствами как безусловными моральными требованиями. Казалось бы, нет более благоприятных условий для создания пересекающей все сепаратистские тенденции политической власти, однако реальная история учит нас, что произошло совершенно противоположное. Нации – это не звенья логического заключения, а реалии, возникающие из глубины собственного бытия, а не из идеи. Национальным бытием не может управлять нечто, принесенное извне. Не в подчинении ниспосланной свыше форме осуществляется это бытие, а в поисках собственной формы. Только через свою историю, а не через выполнение заданной общей задачи народы обретают самих себя. Их основная тенденция – самоутверждение, отвергающее любое подчинение универсальному. Политика начинается со здорового эгоизма народов. Остается верным определение Фридриха II из его завещания 1752 г.: «Политика – это искусство всеми подходящими средствами всегда действовать в соответствии с собственными интересами».

Таким образом, притязания универсальной идеи на господство может привести к результату, противоположному ее содержанию. Универсальное не одерживает победу над особенным, наоборот, особенное охотно использует пафос и безусловность универсального в своих целях. Только на базе этой диалектики можно объяснить запутанную структуру самосознания европейских наций.

Идеалы единого человечества и единого мира имели своей исторической задачей довести рождающиеся нации именно благодаря их внутренней противоречивости до осознания собственной индивидуальности. Упор на этой индивидуальности может быть плодотворным в области культуры, в политике же он оказывает роковое воздействие. Каждая природная сила обладает внутренним стремлением к утверждению и развитию; усиление этих тенденций нежелательно. В сфере духа доведенная до предела индивидуализация может позволить распуститься прекрасным цветам, в политической же сфере она ведет к бессилию или исключительному высокомерию (примеры – Франция и Англия). В обоих случаях ее политическое воздействие разрушительно. Высшая ценность политической деятельности – **мера**. Только мера может гарантировать долговечность плодов этой деятельности, направленной на самоутверждение. В любой власти живет тенденция к самосохранению, ни одна власть добровольно не уходит. Долговременность относится к сущности любой власти. «Мера» означает в политике не отблеск вечной гармонии, а нечто очень простое и реалистичное: закон жизни, предпосылку долговременности самоутверждения. Любая чрезмерность изводит себя сама. Бытие подчиняется мере и числу и поэтому вечно.

Действие идеалов универсализма политически разрушительно, потому что они скрывают этот закон жизни. Их всеобщность мешает видеть естественные стремления конкретных сил. Из-за универсализма политическое мышление теряет почву под ногами, становится фанатичным и живет в мире фикций. Отчуждение власти от конкретного мышления – корень всех политических зол.

Сохранять себя в своем бытии – основная тенденция любой власти. Проблематика власти и политическая проблематика вообще начинаются с практического объяснения того, что в конкретном случае надлежит сохранить. Жизнь не знает неподвижного состояния, она может двигаться вперед или назад, но не может стоять на месте. Мера заключается не в самой власти, ее нужно приложить к власти. В самой себе власть заключает беспокойство, она непрерывно стремится к расширению. Это «плеонексия» власти, о которой говорил еще Аристотель. Тенденция к сохранению почти всегда получает в реальности такое объяснение, что только расширение власти может гарантировать ее сохранение. Проблема политики – ограничение власти, то есть сведение естественной тенденции к сохранению в форме желания большего к мере бытия.

Власть нельзя предоставлять самой себе. Как богатый всегда чувствует себя недостаточно богатым, могущественный чувствует себя недостаточно могущественным. Роковая особенность западного духа заключается в том, что он рассматривал плеонексию как проклятие и признавал, что в ней скрыта здоровая воля к самосохранению. Второе заблуждение состояло в том, что неправильно оцененное зло пытались устранить неправильными средствами. Противопоставлять особенному универсальное логично, но в политике нельзя обуздывать стремления конкретной власти универсальным, так как власть всегда может быть обуздана только другой властью или чем-то родственным власти, но не чем-то, лежащим в совсем иной плоскости. Политическое бессилие всех универсальных идей доказано историей. Где же искать то, что лежит в той же плоскости бытия, что и власть, но обладает способностью ограничивать власть? Это не может быть универсальная власть, поскольку таковой не существует. Пока только власть противостоит власти, объявляется перманентная война; принцип отношений между государствами, который предусматривал бы ограничение войны, невозможно себе представить.

4.

Одна из немногих вещей, в которых демократия знает толк, это использование умственной инертности в интересах антинемецкой пропаганды... Люди меньше всего желают думать, так как мышление означает отказ от привычек.

Какая сладкая привычка, видеть в каждом конкретном мире подготовку ко всеобщему миру, представлять себе еще более высокую власть, чем каждая конкретная власть! Какое безумие полагать, будто идеология может заставить власть установить для самой себя границы! Наше мировоззрение требует от

каждого отказа от всех предрассудков и видения мира таким, каков он есть. Когда мы говорим «раса», мы думаем не только о многообразии расовых типов, но, прежде всего, – о всеобщем законе жизни, согласно которому подобное порождается только подобным и живые силы постоянны.

Открытие **расы** устранило в гуманитарных науках то состояние, которое напоминало средневековую алхимию. Пока люди не знали о постоянстве природных сил, были возможны фантастические представления об изменении и развитии этих сил, сходные с представлениями алхимиков. Когда-нибудь, думали они, удастся получить золото; когда-нибудь, думают философы и делают вид, будто думают, политики, удастся достичь вечного мира. Осознание того, что расовые силы представляют собой постоянно действующее, творческое начало в любом народе, ставит современное научное мышление на место средневековых мечтаний. Это сознание устраняет старые заблуждения и дает мысли новые, плодотворные импульсы. Человеческая история больше не представляется нагромождением одних лишь заблуждений и насилия; даже в самых ужасных заблуждениях прослеживается закономерность. Познание этих закономерностей человеческой деятельности позволяет нам более реалистически взглянуть на историческую действительность вообще. Наряду с расовым фактором надо учитывать и фактор пространства и тогда там, где раньше предполагалось действие таинственных сил, мы ясно понимаем теперь связь явлений и это ставит перед нами новые задачи.

Историческая картина, определяемая действиями расового и пространственного факторов, динамична. Всюду, где люди вступают в какое-то взаимодействие, мы видим борьбу сил. История – это не эволюция некоей единой субстанции, а живое столкновение и взаимодействие субстанциальных сил. Эти силы создают властные структуры, и задача историка проследить их возникновение, расширение, упадок или самоутверждение. Оплодотворенная идеей расы философия истории знает, сколько путаницы возникло из-за того, что категории силы и власти не рассматривались отдельно и законы одной реальности постоянно переносились на другую. Так закон самоутверждения власти путем расширения (экспансии) постоянно отождествлялся со стремлением силы к действию, что делало невозможной правильную оценку обеих реальностей. Власти приписывались достоинства, которыми она не обладает, а на природные творческие силы сваливалась вина за все, в чем следовало винить ничем не ограниченную власть. Это неверное понимание потрясло самые основы бытия. Власти отдали то, что принадлежало силе, а потом прокляли силу; сфера свободного действия живых сил была этим проклятием задвинута во тьму, что уничтожило предпосылки, на основе которых только и можно было по-человечески и в соответствии с реальностью решать политические проблемы.

У власти свои законы. Именно потому, что она не сила, а реальность со своей структурой, она проявляет то качество, в котором ее постоянно упрекают, – плеонексию. Власть может долгое время существовать в определенной независимости от сил, ее породивших, и расти сама по себе. В этом случае власть отрывается от живых сил, становится абстрактной и начинает превращаться в опухоль. Если однажды возникают признанные и удобные формы власти, эти формы могут продолжать существовать самостоятельно, часто вопреки всем живым силам, действующим в обществе. Именно из-за этой формы люди возненавидели власть как таковую, хотя сама по себе она для людей необходима.

5.

Власти надо только придать человеческую форму. Так ли уж опасно, что любая власть охотно расширяется, но никогда добровольно не ограничивает сама себя? Это становится роковым лишь в том случае, если нет ничего, что кладет пределы экспансии. Пока люди будут пассивно ожидать появления другой власти, которая ограничит расширяющуюся власть, войны не прекратятся. Современный мир, так почитающий идею мира, ничего не может противопоставить плеонексии. За гуманитарными фразами кроется культ самого необузданного насилия. Демократическое буржуазное общество презирает солдат и крестьян, у него в чести только торговля и денежные гешефты. Биржа и цивилизация в его представлениях неразрывно связаны, все очарованы блеском золота. Экономика – это судьба. Ключ ко всем явлениям демократической системы: власть должна быть невидимой. Принцип вождизма спрятан за парламентаризмом. Владычество денег – это самая бесчестная и жестокая из всех форм власти. Есть только богатые, у которых есть все, и бедные, у которых нет ничего. Демократическая «свобода» заключается в том, чтобы поддерживать у неимущих веру в то, что они благодаря свободному предпринимательству могут войти в число имущих. Каждый волен достичь этого или умереть с голода. В действительности власть держит в своих безжалостных руках небольшой слой непомерно богатых людей. Тот, у кого есть деньги, участвует во власти, а тот, у кого их нет, принадлежит к миллионам рабов плутократической системы.

Так как господствует принцип экономической «свободы» (каждый может покупать и продавать, что «хочет»), система голого насилия является одновременно системой свободы. Такое лицемерие возможно лишь в том случае, если власть принимает форму экономической эксплуатации и одновременно становится невидимой. Настоящего представительства нет – парламенты ему только препятствуют. Современная демократия – насквозь лживая система, принуждение в красивой обертке «свободы».

Тот же принцип эксплуатации господствует и во внешней политике. Колонии безжалостно эксплуатируются; они поставляют сырье, а что станет с их народами – все равно. Так же все равно, эксплуатируются источники сырья надлежащим образом или нет и удовлетворяют ли полученные продукты потребности других стран. Все решает сиюминутная прибыль. Плутократическое общество ненасытно в своей жажде золота. Народы вымирают, природа превращается в пустыню, зато растет курс акций. Интерес заключается только в увеличении богатства.

Демократическое государство – это небольшое число непомерно богатых людей, единственная политическая цель которых – заставить других работать на себя, независимо от того, соотечественники это или колониальные рабы. Сеть гарантийных договоров, которой Англия опутывает другие страны, – характерное выражение паразитического мышления плутократии...

...Любая власть одновременно отрицает и утверждает, она может строить только, устраняя помехи на своем пути. Власть капитала отличается от любой другой формы власти тем, что она, несмотря на ослепительные сиюминутные успехи, никогда не может быть конструктивной. Главное средство ее осуществления – кредиты, замаскированные под экономическую помощь. В действительности это удавка на шее более слабых экономически стран. Достаточно лишь немного ее затянуть – и жертва болтается в воздухе. Признак демократической великой державы – ее способность предоставлять кредиты. Пока люди настолько глупы, что верят в деньги, пока ими можно управлять путем лишения кредитов – сохранится демократическое мировое господство. Если деньги – это все, «мир» может быть только полем деятельности промышленных концернов и биржевых спекулянтов. Финансовые империи не интересуются странами и людьми. Капитал всегда хочет только приумножаться, безжалостно устраняя все на своем пути. Бережное отношение к живым силам, будь то силы народа или земли, сохранение природы, уважение воли к жизни других – для него смехотворные понятия. Чисто финансовое мышление достигает одного успеха за другим, вовлекает всех деструктивных людей в свой круг, чтобы однажды столкнуться с отрицаемой им реальностью и потерпеть крах.

По правде, вообще нельзя говорить о демократических «государствах». Мы имеем перед собой государство лишь тогда, когда политический порядок опирается на живой народ. Демократических государств нет, есть только демократическое общество, которое с помощью своих банков контролирует так называемые государства. И это общество *едино*: оно имеет своих представителей на всех континентах. С исторической точки зрения его можно считать наследником наднационального феодального господствующего слоя Средневековья. Религиозному универсализму той эпохи соответствовало наднациональное рыцарское общество; уже не религиозному псевдо-универсализму но-

вого времени соответствует плутократический высший слой, который контролирует добычу сырья и торговлю во всем мире. Центром этого слоя сегодня является Лондон, но в Америке уже образовался второй центр. Идеалы богатых людей везде одинаковы; их слой задает тон, определяет, как думать, как жить... Не либеральные «идеи» и не английские формы жизни завоевали мир за последние столетия – его завоевали богатые люди. Массонство – одна, но далеко не единственная форма их влияния на «государства». Только когда прекратится поклонение идолу денег, будет покончено с господством этого слоя. Конец плутократии станет часом рождения национальных государств. После того, как власть будет отнята у международного слоя владельцев денег, к власти повсюду смогут прийти люди, для которых «мир» обозначает нечто иное, нежели морализаторскую фразу для прикрытия гешефтов. Эти люди будут вождями своих народов и будут отвечать своей жизнью за то, что мир обеспечит сохранение чести и безопасности нации.

6.

У политики тоже есть свои законы, и она не может их отрицать, если хочет достичь стабильного, а не эфемерного успеха. Настоящая власть нацелена на долгое существование. Если она пойдет против закономерностей своей собственной сути, она обречена на гибель...

...Долговечность государства зависит не от сосредоточенных им в своих руках средств власти, а от силы людей. Государства – это только преходящие организационные формы, которые придают себе народы. Ядро каждого народа образует природная сила воспроизведения, в которой выражается глубоко скрытая, таинственная воля к жизни. Решающими будут направленность этой воли и результаты ее действия. Любая живая сила имеет определенное своеобразие. Сила это не количественное, а качественное понятие. Немногочисленный народ с сильной волей и высококачественным человеческим материалом может одолеть более многочисленный. Решающее значение для общего качества народа имеет его предрасположенность к технике, искусству и науке. В родном языке и в обычаях, в чувстве справедливости, в традиционных формах жизни и воспитании, в национальной поэзии и в самосознании народа коренится его энергия.

Не во все времена живая сила народа проявляется равномерно, у нее бывают свои приливы и отливы, времена мужества и величия чередуются с временами меньшей предприимчивости, но в глубине остается непоколебимой живая творческая сила. Это нерушимая реальность, из которой черпает свою силу национальный миф, она дает великим людям, призванным руководить своим народом, все необходимое для того, чтобы пробудить мир ото сна и снова привести власть в соответствие с требованиями жизни.

К силам, которые должна учитывать настоящая политика, относятся жизненное пространство народа, его земля и природные богатства ее недр. Хотя определяющим фактором является не пространство, а только человек, благоприятное географическое положение, плодородная почва и богатства недр добавляют к человеческой силе силу природных стихий. Так из крови и почвы, расы и пространства рождаются те мощные энергии национальных сообществ, различие и понимание которых составляет содержание мировой истории.

Политика, которая не учитывает или отрицает эти энергии, а такая политика проводится сегодня масонами, финансистами и биржевыми спекулянтами, может за несколько поколений обеспечить накопление богатств отдельными семьями, но она несет в себе зародыш разрушения, потому что никак не связана с конструктивными силами...

Теперь власти придается новый смысл. Покончено с теорией, что власть есть власть и ее форма не имеет значения... Следует положительно относиться к любой форме власти, которая опирается на природные силы здорового народа и учитывает потребности его жизненного пространства...

Только живые силы могут удержать власть в отведенных ей границах. Предоставленная самой себе власть устремляется в беспредельное; силы же, хотя и побуждают к действию, никогда не подвержены плеонексии, свойственной власти. Власть – это творение человека, силы же – дар природы, они несут в себе меру своего происхождения. Человек не может до бесконечности увеличивать ни свои собственные силы, ни силы земли. Сама жизнь советует ему не эксплуатировать чрезмерно природные силы. Если человек прислушается к этому голосу жизни, он будет соблюдать меру. Заблуждением прошлого было недоверие к силам и приписывание им устремления в бесконечность. Как человек в наиболее чистом виде реализует себя как личность, если доверяет жизни, то и политике необходимо это доверие во избежание судорожных действий и чрезмерностей. Если политик всегда имеет в виду живую реальность, он привязывает власть к силе. Он не идет дальше, чем позволяют живые силы, он избегает перенапряжения власти и эфемерных успехов. Эта привязка означает ограничение власти – не ею самой, что невозможно, а мерой, которая заложена в самой реальности...

...Искусственная, опирающаяся не на силу народа, а только на слои обладателей денег власть естественно будет искать союза с другими властями, имеющими такую же структуру. Так возникают разные пакты, политический концерн, преследующий собственные интересы и всеми силами препятствующий справедливому решению этнических и геополитических проблем, ибо империализм золота не терпит иных точек зрения, кроме своей собственной. Отношения между государствами сводятся к денежным отношениям, во всех кардинальных вопросах решающее слово имеет капитал.

Это привело бы к очищению политической атмосферы, если бы решающее слово в межгосударственных отношениях имела узаконенная силой власть. Как известно, мелкий капитал ничего не может возразить крупному... Только если власть будет опираться на уникальную, неустранимую силу, отношения между властями обретут человеческий характер, ибо если эти отношения основаны на естественной иерархии сил, они не вызывают раздражения. Если меньшее лишено уважения по сравнению с большим количеством, природная сила всегда утверждает свое достоинство. Даже меньшая сила тоже откровение Бытия. Небольшой народ неохотно или вообще не подчиняется другому такому же народу, но он не теряет самоуважения, если оказывается в жизненном пространстве большого народа и связывает свою судьбу с ним...

При господстве демократов запрещено вообще говорить о власти. Отношения между властями в демократический век таковы, что лучше о них не говорить. Столь грубая власть, как власть капитала, должна обделывать свои дела молча. Отношения между властями, которые основаны на естественных и исторически обусловленных отношениях действующих сил, скрывать незачем. Нет повода вытеснять сознание зависимости, если эта зависимость лежит в природе вещей и не наносит ущерба достоинству и своеобразию. В том, что народ, в котором таятся огромные психические и духовные энергии, может создать власть, превосходящую все прочие, не сомневается никто, кто признает закономерности жизни...

Демократия выдает себя за воплощение вечной справедливости. Мы верим в справедливость жизни и не считаем борьбу самоцелью, она лишь средство установления более справедливого порядка. Любая война имеет целью мир, но не мир любой ценой и не «вечный мир», а мир, который гарантирует каждому народу его образ жизни и его жизненное пространство...

Новый порядок порожден идеей нации. Живым силам народа впервые дается простор. Новый порядок основан не на новой «идеологии», а на признании тех реалий, благодаря которым возникают нации. Идея нации выше любой идеологии, как действительность выше воображения. Любая настоящая власть должна соответствовать жизненным силам, которые служат ей опорой и ограничивают ее. Внутренняя мера нового порядка едина со справедливостью Бытия.

Из сборника «Философия вождизма. Хрестоматия по вождеведению», изд. «Белые альвы», 2006 г. / Перев. с нем. А. М. Иванова /.